

Ксения Велембовская

Дама
с биографией

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-44
В 27

Разработка серии и дизайн обложки
Анастасии Ивановой

- Велембовская К.**
В 27 Дама с биографией : роман / К. Велембовская. — М. : Издательство АЗБУКА 2026. — 496 с. — (Как мы жили. Лучшее в советской прозе).
ISBN 978-5-389-31218-0

Героини Ксении Велембовской живут среди нас. Читая ее книги, вы будете ловить себя на мысли, что проживаете с героинями их судьбы, настолько живо и достоверно рассказывает о них автор. Ситуации, о которых идет речь, вроде бы вполне обыденные, но тем они и ценны: в точно таких же обстоятельствах не раз оказывались и мы, читатели, так что «прикинуть» на себя биографии персонажей не составляет никакого труда.

Люся, героиня романа, хороша собой, ухожена, аристократична, но, увы, так называемая личная жизнь не для нее. У нее есть немолодая мама, о которой надо заботиться, дочь, начинающая актриса, которая тоже требует внимания, а еще — незадачливый муж дочери и его мать. И, кроме того, на ней дом, сад и работа.

Когда-то, в ранней молодости, у Люси был сумасшедший роман с красавцем-актером, который и стал отцом ее дочери. Но роман давно в прошлом, а в настоящем — обязанности и чувство долга по отношению к тем, кто в ней нуждается.

Однако рано или поздно жизнь подкидывает каждому из нас шанс все изменить. Захотим ли мы воспользоваться этим шансом — вот в чем вопрос.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-44

ISBN 978-5-389-31218-0

© Велембовская К. М., 2026
© Оформление.
ООО «Издательство АЗБУКА», 2026

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Здравствуй, Лю! Не волнуйся, по-прежнему страстно люблю... Зарифмованные послания с неизменной ернической подписью: *Навеки твой К. Маркс!* — были на месте. Так же как и все прочее: документы, записная книжка, бумага, ручки, карандаши, линейки, ластики... Стало быть, исчезла лишь записка из шести или семи бумажек по тысяче рублей в конверте, лежавшая в правом дальнем углу, поверх папки с сугубо личным — зачитанными письмами и черно-белыми любительскими фотографиями красавчика-стихоплета. К счастью, тот, кто шарил в ящике письменного стола в поисках денег, не заинтересовался содержимым старой синей папки с тесемками. Вероятно, спешил... Кто же, черт побери, здесь орудовал?!

«Никто!» — остановила себя Люся. Нет в доме человека, способного на подобную низость. Сама засунула куда-нибудь и забыла, растяпа. Однако червь сомнения уже закрался в душу: «А помнишь, как весной денежки вот так же испарились и через несколько дней волшебным образом вернулись на прежнее место?.. Что ж, если история с пропажей и возвращением повторится,

тогда... Нет, этого не может быть». Десять часов, а дом еще спит. Вернее, спит известная артистка, медийный человек, как она себя называет, а все остальные, второстепенные персонажи, каждый в своем углу дожидаются пробуждения главного действующего лица.

Пчелка Нюша быстро-быстро вертит спицами в чистенькой старушечьей светелке, довязывая подарок внучке, очередную абсолютно ненужную той безрукавку «из чистой шерсти», и вздыхает: «Чайку хочется!» И тут же испуганно прислушивается: не разбудила ли она своим громким вздохом Лялечку?

Зинаида наводит красоту: без подкрашенных бровей, пунцовой помады и щек, напудренных, что твой ситный калач, сватья — пучок набочок — не выползает из своей спальни. Ростислав — либо в интернете, либо под образами. А как еще убить время здоровому мужику, пока жена спит? Совсем, прости Господи, помешался зятек на религии. Попросишь теперь что-нибудь сделать по дому, по саду, съездить на рынок к станции, он сразу же: «Извините, Людмила Сергеевна, мне пора в храм». И ведь ничего не возразишь, неловко как-то: человек собрался общаться с Богом, а ты пристаешь к нему с какими-то там гвоздями, лампочками или картошкой.

Между тем деньги, которые могли очень понадобиться завтра, так и не нашлись. Она перерыла, кажется, все что можно, еще раз заглянула в пляжную сумку, с которой вечером ходила на озеро, и, окончательно расстроившись, решила срочно сменить обстановку. Босиком на цыпочках спустилась по полированной лестнице на первый этаж, осторожно отворила дверь на заднее крыльцо и, нацепив в саду шлепанцы на пробке и умывшись по-летнему теплой водой из-под крана,

наконец-то ощутила всю прелесть жизни: яркая зелень, цветы, воздух! Красота!

Ощущение первозданной утренней чистоты и свежести продержалось недолго: с соседнего участка знатно несло навозцем и какой-то химической дрянью.

Неугомонный Кузьмич в армейском противогазе сражался с гусеницами: левой рукой он подкачивал ведерный опрыскиватель, а правой держал перед собой длинную металлическую насадку, откуда, радушно сверкая на солнце, сыпался на завитую паутиной яблоню нежный дождик зловонного яда. Напрасно он это делал. Пусть бы прожорливые лопали себе да лопали: чем больше съедят, тем меньше будет проблем осенью, когда поспеет весь его сумасшедший урожай — аж с десяти яблонь.

— Анатолий Кузьмич! К вам можно? — крикнула Люся в приоткрытую калитку и, не дождавшись ответа — в противогазе сосед делался тугоух, — подошла к нему сзади почти вплотную. — Товарищ подполковник! Разрешите обратиться?

Подполковник в отставке вздрогнул от неожиданности и, развернувшись, чуть было не опрыскал и ее заодно с гусеницами. Видок в противогазе у него был, прямо скажем, суперский.

— Здравсьте, Люсиночка, а я вот тут... — засмутился свекольнолицый, потный, к тому же сильно неароматный сосед, избавившись от страшного слоновьего хобота.

— Да вижу, вижу! Опять вы нам портите экологию. Но я к вам не от возмущенной общественности. Просто зашла кофейку попить по-соседски, если можно. Лялечка еще спит.

— Ясненько, — с пониманием кивнул Кузьмич, хорошо знакомый с порядками на соседней даче. — Один момент!

Окунув голову в бочку с дождевой водой, удалой десантник пофыркал, встряхнулся, промокнул лицо стянутой тельняшкой, лишний раз продемонстрировав широченные плечи. Накинув висевшую на крыльце чистую рубашку на загорелое до черноты тело, он игриво хохотнул:

— Говорил я вам, Люсиночка, выходите за меня замуж! Я бы вам кофе прямо в постель подавал! Ну чего вы опять смеетесь? У меня ведь намерения самые что ни на есть серьезные. — Подмигнув голубыми, какими-то младенческими, не потускневшими за шестьдесят семь лет круглыми глазками, он застегнул рубашку на все пуговицы, одернул и шутливо вытянулся во фронт. — Гляньте-ка, чем не жених? Не говоря уж, что мужчина я свободный, положительный, без вредных привычек и с хорошим приданым! — В подтверждение он окинул гордым взглядом свои пятнадцать соток, почти целиком занятых двухэтажным щитовым домом под ломаной крышей, издалика смахивавшим на сундук, теплицами, летней кухней, гаражом, баней, сараем, деревенской уборной на свежем воздухе и беседкой.

— Надо будет подумать! — засмеялась Люся.

— А чего тут думать-то! — отозвался шустряк уже с террасы.

Через считанные минуты в беседке, обитой новой вагонкой, закипал электрический чайник. Поменявший галифе на отутюженные джинсы, а резиновые сапоги на выходные сандалии, хозяйственный Кузьмич

быстренько расстелил скатерть, поставил глубокую тарелку с сортовой клубникой, притащил первые огурчики — изумрудные, пупырчатые, с капельками росы.

Все-таки в военных что-то есть, ухмыльнулась Люся, умеют ухаживать за дамами!

— Люсиночка, может, коньячку по маленькой? Ради праздничка? Сегодня, говорят, этот... Петр, Павел час убавил. Матвеевых бабка шла, сказала.

— Можно и коньячку, — забавляясь ситуацией, милостиво согласилась Люся, и Кузьмич с готовностью снова понесся на кухню за бутылкой и закуской.

Вдовый жених явно старался доказать, что он еще чрезвычайно проворный товарищ. Ловкий, сильный, темпераментный. Словом, пышущий здоровьем крепыш с отличной потенцией. Ох и самоуверенный народ эти мужики! Метр с кепкой, скоро песок посыплется, а все туда же!

Коньяк, само собой, был «Хеннесси», бокалы — пузатыми, как в лучших домах Лондона и Монте-Карло, поэтому тост прозвучал до уморительного смешно:

— Ну, как говорится, будем!

— Будем! — на полном серьезе ответила Люся и после глотка обжигающего напитка передернула плечами: — Ух!.. Хорошо сидим, Анатолий Кузьмич.

— А у меня помидоры уже буреют! — неожиданно сообщил он с таким непередаваемо счастливым выражением, что Люся снова едва сдержала смех. Помог огурец, хрусткий, сладкий.

— Чего у вас, Люсиночка, новенького? Как Анна Григорьевна? Ляля?

— Все как всегда. Мама вяжет, Ляля спит. Приехала вчера со съемок в полубморочном состоянии, и опять

за мобильник. Проговорила с режиссером, кажется, до четырех утра.

— Уж извините, не дело это. Не для чего так вкалывать молодой красивой девушке! Морщины пойдут, синяки под глазами. А мужчинам нравятся свеженькие, веселые, вот как вы! — Лукаво сощурившись, Кузьмич придвинулся по скамейке поближе, а когда Люся отодвинулась, расхохотался прямо как профессиональный соблазнитель: — Люблю я сероглазых блондинок! — И на том, похоже, выдохся. С крестьянским аппетитом, энергично — как работаем, так и едим — задвигал вставными челюстями.

Шуткует подполковник, успокоилась Люся. В самом деле, откуда возьмутся силы у пожилого мужика, который от зари до зари пашет на участке в пятнадцать соток? Вот и славно. Разлаяться с соседом, что было бы неминуемо в случае активных домогательств, ей совершенно не хотелось. Еще пригодится — штакетину забить или кран починить.

— Видел вчера вашу Лялю, кажись, по второму каналу... Вы-то сами, Люсиночка, глядели, нет?

Ей бы соврать «видела, видела!», а она замешкалась, заливая горячей водой растворимый кофе, и в результате в очередной раз влипла, что называется, по крупному: словоохотливый Кузьмич принялся подробно пересказывать содержание вчерашнего «мыла» с Лялькиным участием. Чтоб ему ни дна, ни покрывки!

— ...Приехала в Москву поступать, а в институт завалила. Устроилась убираться к миллионеру в особняк. Девчонка красивая, черноглазая, ну бизнесмен и не растерялся, оприходовал ее. Родила она от него...

— Анатолий Кузьмич, фиг с ними со всеми! Давайте лучше кофейку...

— Сейчас, сейчас, только доскажу... а он, сволочь, взял, значит, и на другой, тоже на миллионщице... отец у нее губернатор какой-то поганый... женился. Лялю вашу... ее там Дашей зовут... скотина, выгнал прямо на улицу, ночью, в мороз, а ребенка себе забрал. Жена его, раскрашенная шалава, бесплодная оказалась. Видать, абортов немерено переделала...

— Вам одну ложечку или две?.. Воды полную? — снова попыталась отвлечь его Люся. Но куда там! Кузьмич кивнул: «Ага, ага, до края наливайте...» — и, досказывая, опять захлопотал лицом, как будто вся эта невообразимая муть происходила на самом деле и в разыгравшуюся трагедию были вовлечены его близкие родственники. В этом смысле подполковник мало чем отличался от Нюши с ее начальным образованием. Та тоже неизменно воспринимала экранное как подлинную жизнь.

— Ребенка выкрала, спрятала там у одних, а подручные того бизнесмена... настоящие отморозки... наголо бритые, морды — шапкой не накроешь!.. поймали ее, в подвал загнали и принялись пугать горячим утюгом: не отдашь ребенка, мы тебе рожу припечатаем! У меня, Люсиночка, прям сердце зашло! Каково же, думаю, вам-то, матери, на такое глядеть?

— А я и не глядела. Делать мне больше нечего, всякую ахинею смотреть. И вы напрасно злоупотребляете. Тем более если у вас сердце заходится от подобных драматических коллизий. Поберегли бы здоровье. Но вообще в следующий раз не переживайте. Нашу Лялю никто в подвал не загонит. Она сама кого хочешь

загонит! — рассмеялась Люся и залпом допила свой коньяк.

Вот те на! Кузьмич насупился, поджал губы, задевший за живое, за мужское, советом побережь здоровье.

— Чего ж тогда ваша дочка в таком глупом кино снимается? — язвительно сощурившись, спросил он, обиженный, оказывается, совсем по иной причине. — Или уж ей денег мало?

— Может, и мало, — с вызовом ответила ему Люся, и не важно, что думала она сама о творчестве дочери. — Смотрите, сколько у Лялечки нахлебников! Две пенсионерки — свекровь и бабушка, философ-муж и я отчасти. Но главное не в деньгах. Ей, как любой актрисе, хочется играть, сниматься. Вы думаете, те парни, которых вы назвали отморозками, от хорошей жизни пытаются девушек горячим утюгом? Да они с восторгом сыграли бы что-нибудь лирическое или героическое! Но негде. Достойных фильмов сейчас мало. — Подумаю, а перед кем, собственно, она мечет бисер, Люся перевела дух и напоследок со злости выдала охотнику считать соседские денежки излюбленную Лялькину сентенцию: — Короче, каждый зарабатывает как может.

— Так, по-вашему, выходит, ради заработка все можно: и грабить, и воровать?! — понятное дело, взвился Кузьмич, хотя сам за время службы, между прочим, натырил до черта всякого армейского барахла. Одних новеньких солдатских сапог у него на чердаке свисало с потолочной балки пар десять. Но, поскольку собственные грехи никто грехами не считает, можно было не бояться, что он опять обидится.

— Все и воруют. Как будто вы не знаете, — усмехнулась Люся и, чтобы лишить Кузьмича шанса развития

тему с перечислением всех ворюг поименно, начиная с самого верха и по нисходящей до главного бельма в его глазу — хозяев выстроенных на «нетрудовые доходы» особняков за высокими кирпичными заборами, плавно перешла к тому, зачем, в сущности, сюда и явилась: — Нет, безусловно, не все воруют. Например, мы с вами лишены такой возможности. И в связи с этим дайте мне, пожалуйста, займы тысяч пять... рублей, естественно. Засунула куда-то деньги и никак не могу найти, а мне надо купить Лялечке подарок. У нее скоро день рождения.

Кузьмич, мужик добрый и отзывчивый, моментально выудил из заднего кармана кошелек, но, пересчитав наличность, огорченно вздохнул:

— Только полторы, Люсиночка. Вчера краски финской взял, чтоб полы освежить, а нынче машину коровьяка по случаю, как раз пять тыщ отдал... Может, к Матвевне сбегать? Глядишь, у нее разживемся.

— Нет-нет, ни в коем случае! — отказалась она, испугавшись, что с подачи Матвевны — у той язык как помело! — по поселку поползут слухи: раз Людмила ходит по соседям деньги занимать, значит, Ольгу Каширину больше не хотят по телевизору показывать. Дойдет до Ляльки — убьет и глазом не моргнет.

Кстати, и Кузьмича не годилось гонять сейчас на другой конец улицы: после горячего кофе и коньяка он осовел, раскраснелся, обмяк. Как ни хорохорься, возраст есть возраст. А ему еще предстояло весь день по жаре возить на тачке навоз на задворки, складывать вилами в кучу и пересыпать землей, потому что сибаритствующая дачная публика через часок-полтора пробудится и начнет выражать громкое неудовольствие по

поводу навязчивого амбре. Беднягу Кузьмича стало даже жалко. Трудоголик — это, между прочим, тоже диагноз.

— Анатолий Кузьмич, ну зачем вы связались с этим коровяком? Для чего вообще так надрывать, а? Не семеро же у вас по лавкам. Дети у вас, слава богу, устроены, и ваши банки с огурцами-помидорами им не нужны. Вы же сами мне жаловались...

Движимая лучшими побуждениями, она, кажется, наступила на большую мозоль: навозный жук нахотился, рассердился.

— Это сейчас им, — выразительно мотнул он головой в сторону Москвы, — ничего не нужно. На Багамы ездют, на Канарах жизнь прожигают. Будто у отца на даче хуже! У нас воздух-то какой, не надышишься! — Кузьмич с наслаждением втянул в себя воздух, уже приняв и не чувствуя, что его коровяком тянет за версту. — Озеро опять же, купайся не хочу! Рыбалка! Нет, за границу им подавай! Удивляюсь я на молодых! Живут прямо как стрекоза с муравьем! День прошел — и ладно. А если обратно какой дефолт или кризис? Не говоря уж о войне с американским империализмом. Надо ж подготовиться, запас какой-никакой иметь. Эти ястребы из Пентагона только и ждут, как бы нашу Россию-матушку разорвать на куски. — Чтобы не быть голословным, вояка потянулся к табуретке за свежей «Правдой» и очками, и Люся поняла, что пора спасаться бегством.

— А сколько у нас сейчас времени? Ой, не может быть! Извините, мне пора бежать. Спасибо большое, огурчики у вас просто классные! И клубника выше всяческих похвал.

Кузьмич проводил ее до калитки и вдруг, оглядевшись по сторонам, с заговорщическим видом потянул за локоть обратно в сад, под сиреневый куст.

— Сказать забыл, Люсиночка. Ездил вчера на станцию за краской. Прямо употел восемь банок переть. Дай, думаю, зайду в кафе возле церкви, квасу выпью или хоть на худой конец воды. Захожу, а там ваш Ростислав, и с какой-то барышней. Смазливенькая такая, черненькая. Света вроде ее звать, из хозяйственного. Ваш-то, между нами, опять был сильно навеселе.

Вот так новость! — обалдела Люся. Да еще и весь поселок будет знать об этом! Кузьмич ведь тоже сплетник будь здоров, почище Матвевны! День-деньской у него ушки на макушке. Дерет сорняки вдоль забора, смородинку обихаживает, прищипывает в теплице пасынки у помидоров, а сам, как мощная радиолокационная система, ловит каждое слово, оброненное на улице, каждый крик на соседних участках. Обработанная плешивой башкой информация поступает к потребителям без задержки: пока подполковник доедет на велике до станции, раз двадцать притормозит, побеседует шепотком, по-свойски, поохает, поахнет, а обратно, переполненный новостями, уже летит на всех парах, энергично нажимая на педали. И глаз у него, старого черта, как ватерпас!..

— Вы не бойтесь, Люсиночка, я никому не скажу, — интимно зашептал Кузьмич ей в самое ухо. — Слово офицера. Клянусь.

— Верю, верю... всякому зверю, и волку и ежу, а вам погожу! — в своей обычной насмешливой манере, словно ее ничуть не взволновало сообщение о шашнях Ростислава, ответила Люся и, еле отвязавшись от

прилипчивого, как репей, болтливого ухажера, побежала к себе.

Со злостью вырвав у себя на участке два здоровенных одувана, успевших разжиреть на черноземе под отцветшим чудесным розовым пионом «сара бернар», она огляделась: что бы еще уничтожить от переизбытка нервной энергии? — и застыла, замороженная необыкновенным лунным цветом раскрывшихся сегодня голландских лилий. Запах был тяжеловат, но созерцание дивной красоты резных граммофонов с бархатными коричневыми тычинками благотворно подействовало на психику.

Сеанс цветотерапии продолжился на качелях, куда она присела на минутку, не сумев отказать себе в удовольствии полюбоваться роскошным садом в полном блеске июльского утра. Между прочим, творением собственных рук. Да уж, страшно вспомнить, какое запустение царило здесь раньше: кучи гниющих листьев вперемешку с картофельными очистками и помоями, повсюду высоченная жгучая крапива, в ней — консервные банки, руки-ноги-головы от целлулоидных пупсов, черепки, сетчатые от времени бидоны из-под керосина, под соснами — пухлые рыжие подушки из сухих иголок. Там, где сейчас красуется великолепный куст плетистой красной розы, подвязанный к металлической дуге так, что создается впечатление огромной цветочной корзины, чахла одна-единственная Зинаидина «грядка» — бывшая круглая клумба с остатками кирпичей по краю и жалкими луковыми перьями в центре. На месте нынешней изумрудной лужайки для отдыха и вечернего чаепития с иллюминацией по особо торжественным случаям раньше резвились все кому не

лень: сныть, одуванчики, сурепка, репей — кололи ноги острые былки выродившейся малины, цеплялись за волосы ветки корявой засохшей яблони с прикрученным проволокой к стволу умывальником. Под умывальником, помнится, стояло ржавое ведро, а слева за облупленным кособоким кухонным столом образца тысяча девятьсот тридцать какого-то года сидела хозяйка, чистившая картошку к обеду.

Здесь-то Люсю впервые и познакомили с историей дачного поселка под симпатичным названием Счастливы́й и историей пребывания в нем славного семейства Кашириных. Рассказчица показалась ей тогда приличной, интеллигентной теткой. Впрочем, не без странностей. Впоследствии этими странностями Зинаида достала ее до печенок, а многократное повторение каширинской саги, слово в слово, перед Лялькиными гостями убедило в том, что Зинаида пела с чужого голоса. С голоса своей свекрови — неглупой, не лишенной иронии и вполне адекватной Агнессы Федоровны, которую, правда, невестка Зиночка застала, что называется, на излете, когда прошлое окрашено преимущественно в солнечные тона.

Дачи в Счастливом начали строить в конце тридцатых. Под участки вырубали сосновый лес, вычищали колючий еловый подлесок, засыпали грунтом ручейки и овражки. Земли тогда не жалели: нарезали народным артистам, художникам, композиторам по двадцать — двадцать пять соток. Крупному творческому начальству — и того больше. Проектировщик заводов и фабрик Ростислав Иванович Каширин вложил в подмосковную дачу весь свой нерастроченный художественный

талант. В глубине участка всем на зависть был возведен двухэтажный дом с двумя полукруглыми террасами — на восток и на запад, чтобы расставаться с солнцем лишь в полуденный зной, — с фигурными балконами и открытой верандой, разрезанной посередине ступенями высокого крыльца.

Прямо перед домом разбили большую круглую клумбу, куда Агнесса Федоровна высаживала в мае цветочную рассаду — анютины глазки, астры, левкой и обязательно душистый табак. Его непередаваемо прекрасный подмосковный аромат через открытые в темный летний сад окна доносился и до западной террасы, где по вечерам за пытящим самоваром собиралось все семейство и гости из окрестных дач. Гости пили чай и громко восторгались пирогом с яблоками, воздушными меренгами, домашними эклерами с заварным кремом и зеленым царским вареньем из крыжовника.

Когда детвора, наевшись сладостей до отвала, неслась играть в лапту и горелки, жечь высокий костер из сосновых веток, на террасе начинали позвякивать рюмки, бокалы, потом их заглушали бравурные звуки рояля, арии из оперетт, романсы и впервые исполняемые знаменитым советским композитором патриотические песни предвоенных лет.

В половине десятого с крыльца раздавался призывный звон колокольчика и решительный голос Агнессы Федоровны:

— Володенька! Павлуша! Мальчики, домой! Пора спать, мои дорогие.

Дети покорно шли домой: за послушание отец мог не взять их с собой на рыбалку.

На рыбалку отправлялись на рассвете, когда туман еще скрывал очертания противоположного берега и озеро казалось Володеньке лишь ненадолго затихшим бурным морем, где плавает крейсер «Варяг». Папе везло — у него в ведерке была хвостом злющая зубастая щука, и Павлушке везло — уже поймал двух карасиков, а у Володеньки поплавок дрожал, но рыбка не ловилась, как ни уговаривал он ее ласковым шепотом: «Ловись, ловись, рыбка, и мала, и велика!» Карасиков скармливали Митрию — умнейшему серому коту, поджидавшему рыбаков, с громким мурлыканьем потирая бока о столбик калитки. Разварная щука с молодым картофелем становилась еще одним поводом, чтобы пригласить на обед соседей.

Последний такой воскресный обед был у Кашириных пятнадцатого июня сорок первого года. Через два месяца дача уже стояла с закрытыми ставнями и заколоченной крест-накрест дверью. Ветер гудел в печной трубе, стучал по крыше дождь, потом к окнам начали подбираться сугробы. Замерзшая на невиданном морозе, брошенная и, казалось, навсегда забытая хозяевами дача все равно ждала: вот-вот заскрипят по снегу ботинки и валенки, откроется дверь, и Агнесса Федоровна крикнет: «Ростислав Иванович, растапливайте печку! Мальчики, бегом за дровами!»

Трижды зима сменяла лето, и вот наступила весна. Чу! Что это? Будто плачет кто-то? Плакали, присев на крыльце, вернувшиеся хозяева. И Володенька плакал: так жалко Павлушу, он уже никогда-никогда не увидит нашу милую дачу!

Павлик умер от воспаления легких в жарком среднеазиатском городе.

Дров, чтобы протопить выстуженную ветрами, холодными дождями и морозами дачу, не нашлось: исчезли дрова, все до единого полена. И не мудрено. Вон и сосны в Счастливом как поредели! А березы и елки с тонкими стволами пропали вовсе. Вдоль железнодорожного полотна, на полянах в лесу, на склонах глубокого оврага, где мальчики когда-то играли в войну, в разведчиков, — везде обнажились под апрельским солнцем черные картофельные делянки.

Поседевшие старожилы, «счастливчики», как шутили до войны меж собой соседи, тоже рьяно взялись за огородничество, и мало кто не набил жесткие кровяные мозоли тупыми лопатами и ржавыми кирками, прежде чем в пустой песчаной земле с сосновыми иголками появились первые жалкие всходы. Появились — и пропали засушливым летом.

Караси в озере тоже будто пропали. Володенька целый день просиживал с удочкой, чтобы к возвращению отца со службы мама смогла приготовить уху — жидкий суп, лапша лапшинку догоняет, с колючими рыбьими косточками.

Только ведь и плохое — голод, неустроенность, жгучие слезы, — так же как хорошее, когда-нибудь обязательно кончается. Зарос высоченным репейником, иван-чаем и вездесущей крапивой глубокий овраг, затрепетали на ветерке юные березки, под колючими свежими елками вылезли после грозы сопливые желтые маслята.

Володенька, на радость родителям, окончил школу с отличием, с красным дипломом — Бауманский институт.

Ростислав Иванович умер в семидесятом. Просто уснул в кресле на солнышке. Как старый Форсайт. Так

и не дождавшись свадьбы сына — все мужчины Каширины почему-то женились поздно.

Дальше Зинаидино повествование пошло от первого лица.

— Агнесса Федоровна скончалась в восемьдесят втором. Осенью, только-только мы с дачи вернулись в Москву, к себе на Чистые пруды. А мой дорогой Володенька, Владимир Ростиславович, умер от инфаркта в восемьдесят шестом. Ему было всего лишь пятьдесят два. — Зинаида Аркадьевна снова отложила тупой огрызок ножа, которым чистила картошку к обеду, и вытерла слезы рукавом выцветшей кофты с пуговицами через одну.

У Люси нестерпимо сосало под ложечкой. Вроде пригласили к обеду, а солнце, выражаясь литературно, уже сильно клонилось к западу.

Чтобы дочистить десять проросших картофелин размером с грецкий орех, у разговорчивой Зинаиды ушло еще минут сорок. Молодежь — Лялька с Ростиком, — вернувшиеся с долгой прогулки на озеро, отправились играть в мяч за калитку, однако скоро приплелись обратно и уселись на крыльце с батоном, который Лялька разломила пополам. Картошка все никак не закипала. Оказалось, хозяйка забыла поджечь горелку — *ой, я стала такой рассеянной после смерти мужа!* Хотя овдовела она не вчера и не позавчера. Время до обеда скоротали за экскурсией по скрипучей, накрепившейся, будто Пизанская башня, огромной трухлявой даче.

— Здесь был кабинет Ростислава Ивановича... Это спальня Агнессы Федоровны... — Комнаты напоминали зальчики бедного экспонатами провинциального

Литературно-художественное издание
Эдеби-көркем басылым

КСЕНИЯ ВЕЛЕМБОВСКАЯ
ДАМА С БИОГРАФИЕЙ

Ответственный редактор *Ю. Раутборн*
Технический редактор *Л. Ситицына*
Корректоры *Н. Быкова, И. Дьячкова*
Верстка *В. Демин*

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 02.02.2026.
Формат 84 × 108 1/16. Гарнитура «Petersburg».
Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 26,04.
Тираж 3000 экз. Т-НWL-40455-01-Р. Заказ №

Изготовитель: Ондіруші:
ООО «Издательство АЗБУКА» «АЗБУКА Баспасы» ЖШК
115093, Москва, вн. тер. г. 115093, Мәскеу, қ. іш. аум.
муниципальный округ Даниловский, Даниловский муниципалдық округі,
пер. Партийный, д. 1, к. 25 Партийный т.п., 1-үй, к. 25
Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru Эл. поштасы: sales@atticus-group.ru

Филиал ООО «Издательство АЗБУКА» Санкт-Петербург қаласындағы
в г. Санкт-Петербурге «АЗБУКА Баспасы» ЖШК филиалы
191024, Санкт-Петербург, 191024, Санкт-Петербург,
Херсонская ул., д. 12–14, лит. А Херсон көшесі, 12–14 үй, лит. А
Тел.: (812) 327-04-55 Тел.: (812) 327-04-55
E-mail: trade@azbooka.spb.ru Эл. поштасы: trade@azbooka.spb.ru
www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru

Отпечатано в России. Ресейде басып шығарылған.

Сведения о подтверждении соответствия издания
согласно законодательству РФ о техническом регулировании можно получить
по адресу: <https://certification.atticus-group.ru/>.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін
растуа туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады:
<https://certification.atticus-group.ru/>.

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)

Ақпараттық өнім белгісі (29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

